

Е. Г. Соколов

«DE MOLUCCIS INSULIS» МАКСИМИЛИАНА ТРАНСИЛЬВАНА В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ XVI в.: ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Институт филологических исследований Санкт-Петербургского государственного университета,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

В статье обосновывается необходимость лингвистического изучения созданного в XVI столетии русского перевода латинского письма Максимилиана Трансильвана о Молуккских островах. Дается начальная характеристика особенностей перевода, отмечается наличие лексических и грамматических элементов, позволяющих предположить знакомство создателя перевода помимо латинского и с греческим языком. Ставится под сомнение предположение о возможности установить авторство данного перевода на основании исключительно культурно-исторических сведений без привлечения данных лингвистики. В заключение ставятся перспективные задачи, выполнение которых необходимо для дальнейшего изучения памятника, и признаётся необходимость нового издания русского перевода письма Максимилиана Трансильвана. Библиогр. 17 назв.

Ключевые слова: история русского языка, история перевода, переводы с латыни, переводчики XVI в., Максимилиан Трансильван, Дмитрий Герасимов.

“DE MOLUCCIS INSULIS” BY MAXIMILIANUS TRANSYLVANUS IN 16TH CENTURY RUSSIAN TRANSLATION: TASKS AND PROSPECTIVES OF THE LINGUISTIC STUDY

E. G. Sokolov

Institute of philological studies (IFI SPbSU), 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

In this paper we try to prove the necessity of a linguistic study of the 16th century Russian translation of the Letter on the Moluccas originally published in Latin by Maximilianus Transylvanus. We provide an initial description of the translation features and demonstrate that some lexical and grammatical elements allow us to suppose that the translator was familiar not only with Latin, but also with Greek. We also call into doubt that it is possible to authenticate this translation relying only on the cultural and historical background without involving linguistic methods. In conclusion, we indicate some prospective tasks necessary to proceed with studying this translation, and declare the necessity of its new edition. Refs 17.

Keywords: history of Russian language, translation history, translations from Latin, translators of the 16th century, Maximilianus Transylvanus, Dmitry Gerasimov.

1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ИЗДАНИЯ

Письмо Максимилиана Трансильвана епископу Зальцбургскому о Молуккских островах, написанное в 1522 г. и годом позже опубликованное автором в Кёльне [1, с. 137], представляет собой облеченный в эпистолярную форму отчёт о кругосветной экспедиции Магеллана и является самым ранним известным печатным сообщением о ходе и результатах первого кругосветного плавания [2, с. 233]. Вскоре после опубликования, в первой половине XVI в., этот памятник был переведён на русский язык [2, с. 234].

Перевод письма Максимилиана Трансильвана известен филологической науке достаточно давно, упоминается он П. И. Савваитовым [3, с. 10–11], А. И. Соболев-

ским [4, с. 237], отмечен в академической «Истории русской литературы» [5, с. 290], однако в течение долгого времени учёные не уделяли ему серьёзного внимания.

До сих пор текст известен в единственном списке середины XVI в., содержащемся в сборнике-конволюте РНБ, Q.IV.412 (собрание Савваитова, № 128) на листах 18–29об. [2, с. 229]. Д. О. Цыпкиным установлено, что эти листы были вырваны из третьей рукописи сборника-конволюта БАН, Арханг., Д. 193 и находились в указанном сборнике между листами 436об. и 437 [6, с. 382], причём за ними следовал текст Повести о Лоретской Богоматери, также сравнительно мало изученного памятника [6, с. 383].

Первую и единственную публикацию текста осуществили Н. А. Казакова и Л. Г. Катушкина в 23-м томе Трудов Отдела древнерусской литературы, вышедшем в 1968 г. [2]. Тексту была предпослана достаточно развёрнутая культурно-историческая справка [2, с. 227–240], включающая в себя как сведения об истории создания и публикации латинского оригинала письма Максимилиана Трансильвана [2, с. 232–234], так и предположения об обстоятельствах возникновения русского перевода этого произведения [2, с. 235–239]. Кроме того, справка содержит краткую характеристику техники перевода [2, с. 234–235]. Сведения из указанной статьи частично повторяются, частично дополняются в монографии Н. А. Казаковой «Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков» [1, с. 131–139].

Публикация текста перевода известия о Молуккских островах, безусловно, заложила основу для дальнейших исследований этого произведения и включения его на равных правах в круг изучаемой филологической наукой переводной литературы допетровской поры, однако дала довольно мало информации для лингвистической характеристики памятника. Более того, некоторые особенности как описания техники перевода, так и самого издания текста представляются спорными и подлежащими проверке.

Остановимся на характеристике, данной переводу в статье Н. А. Казаковой и Л. Г. Катушкиной. Перевод характеризуется авторами статьи как дословный, причём настолько близкий к оригиналу, что синтаксический строй русской фразы совершенно затемнён калькированием строения латинского оригинала [2, с. 234]. Отмечается большое количество купюр, прагматика появления которых, как и отказа от сохранения латинской географической терминологии, объясняется, по мнению авторов, стремлением переводчика облегчить понимание текста [2, с. 235]. Отдельно указывается, что сохранённые иностранные термины сопровождаются пояснениями: *плавание кастелланов, рекше испанских* [2, с. 235]. Отмечена ошибка перевода: имя собственное Пьетро Мартира д'Ангиеры переведено как *Петр Мученик* [2, с. 235]. Этими замечаниями обзор языка и техники перевода исчерпывается.

Сам текст [2, с. 240–252] опубликован в современной орфографии и с издательской расстановкой знаков препинания, что, вопреки ожиданиям, в некоторых местах значительно затрудняет его понимание.

2. ПЕРЕВОД И ЕГО ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Цель настоящей статьи — путём анализа языковых особенностей наметить задачи и обозначить перспективы лингвистического изучения русского перевода письма Максимилиана Трансильвана о Молуккских островах.

Для анализа перевода мы ссылаемся на единственную на нынешний момент публикацию текста в статье Н. А. Казаковой и Л. Г. Катушкиной, поэтому к каждому примеру будет даваться для удобства пользования не номер листа рукописи, а страница указанной печатной публикации (в которой, впрочем, дана и пагинация рукописи). Для сравнения перевода с латинским оригиналом взято латинское кёльнское издание 1523 г. [7], которое на основании тождества заголовка указывается Н. А. Казаковой в качестве наиболее вероятного источника перевода [1, с. 145]¹.

2.1. Вопрос о дословном характере перевода

Как отмечалось выше, Н. А. Казакова и Л. Г. Катушкина характеризуют перевод как дословный и синтаксически следующий за оригиналом. Это утверждение не вполне согласуется с действительным положением дел.

Хорошим **примером** дословного перевода можно считать новгородский перевод “*Rationale divinatorum officiorum*” Дюрана; в этом случае степень синтаксического тождества латинского и русского текстов оказывается столь высокой, что позволяет осуществить построчное издание параллельного латинско-русского текста [8].

Дословным является и перевод таких памятников, как Чудовская интерлинейная псалтирь, в которой «перевод, сопровождающий оригинальный латинский текст, не дает оснований говорить о синтаксических особенностях, поскольку последние необходимо диктуются латинским оригиналом» [9, с. 381], или «Правила грамматичные» [10]. Эти памятники практически пословно повторяют структуру текста — источника перевода.

Рассматриваемый нами перевод подобной особенностью не обладает. Напротив, факты свидетельствуют, что для переводчика характерно творческое отношение к передаче оригинала и активное использование синтаксических конструкций, которые нельзя считать кальками с оригинального латинского текста. Ниже приведены некоторые примеры.

2.1.1. Несоответствия в структуре латинской и русской фраз

Отличия в структуре фразы оригинала и перевода можно видеть уже на следующем примере. Латинскому предложению: *Curavi enim mihi et a duce classis et a singulis nautis qui cum eo rediere, referri omnia diligentissime* [7, с. 3] ‘Ибо я постарался, чтобы и флотоводцем, и отдельными моряками, которые с ним вернулись, мне всё было прилежнейше доложено’ — соответствует в [2, с. 240] предложение: *Подицхся бо, и от самого корабленачяльника и от коегождо с ним возвратившихся корабелник възвести ми ся вся с прилежанием*². Здесь о дословности и сохранении латинского синтаксического строения фразы говорить совершенно невозможно, так как в ла-

¹ Поскольку это издание лишено пагинации, мы даём для него свою нумерацию страниц, причём первой считается страница, содержащая заголовок. При передаче латинского текста графика и орфография приводятся к современным нормам: вводится различие *v* и *u*, выносные обозначения носовых согласных вносятся в строку, сокращения раскрываются.

² В изданном Н. А. Казаковой и Л. Г. Катушкиной тексте несколько иначе расставлены знаки препинания: *Подицхся бо и от самого корабленачяльника и от коегождо с ним возвратившихся корабелник: «Възвести ми ся вся с прилежанием»* — очевидно, издатели восприняли часть фразы как прямую речь, рассматривая *възвести* как форму повелительного наклонения. Принимая во внимание смысл

тинском оригинале русскому сложносочинённому предложению с союзом *и* соответствует латинское простое предложение с конструкцией из глагола *curavi* 'я постарался' и следующего за ним оборота *accusativus cum infinitivo* с целевым значением: *curavi enim mihi... referrī omnia — подыццахся бо... и возвести ми ся вся*.

Конечно, в тексте встречается и достаточно примеров перевода, близкого к словному, но при этом нельзя не отметить общего тяготения переводчика к смысловой, а не пословной передаче латинского оригинала.

Особенно это заметно в следующем случае ошибочного перевода.

В оригинальном латинском тексте встречается пассаж о бунте на одном из кораблей, в результате которого экипаж отплывает в Испанию и там предаёт капитана корабля, Алваро Мешиту, суду. Этот эпизод оканчивается так: *in Hispaniam venire, ubi Alvarum causam ex vinculis dicere faciunt* [7, с. 14] 'приплыли в Испанию, где заставляют Алваро отвечать в суде'. Переводчик не понял идиоматического выражения *causam ex vinculis dicere* 'отвечать в суде' и передал фразу как *в Испанию приидошя, иде же Алвара от уз свободиша* [2, с. 245]. Здесь, не распознав значения выражения, переводчик не попытался перевести его пословно (в результате чего должно было бы получиться нечто наподобие **вину от уз реци творят*), но, опираясь на наиболее понятную часть идиомы — *ex vinculis* 'из уз, от уз', — постарался реконструировать общий смысл сказанного, предположив, что выражение в целом означает 'освободить от уз, отпустить'. На наш взгляд, этот пример убедительно доказывает время от времени проявляющееся стремление переводчика передавать по возможности не букву, но смысл оригинального текста.

Невозможно говорить о сохранении структуры оригинала и в случае синтаксических грецизмов, рассмотренных в следующем разделе.

2.1.2. Синтаксические грецизмы

Текст перевода содержит значительное количество синтаксических конструкций, которые могут расцениваться как сознательно введённые переводчиком в текст грецизмы. Синтаксическое влияние латинского оригинала в данном случае исключено по причине отсутствия в нём соответствующих языковых особенностей. Рассмотрим некоторые из таких грецизмов.

А. Согласованные и несогласованные определения снабжаются не имеющими соответствий в латинском оригинале относительными местоимениями *иже*, *яже*, *еже*, что является несомненным синтаксическим грецизмом, подражанием употреблению артикля в греческом языке [11, с. 328]:

...*иже в Лиситанииском граде португалсии* [2, с. 240] — *Lusitani Portugallenses* [7, с. 2],

...*листы, яже от финик* [2, с. 240] — *palmarum foliis* [7, с. 2],

...*к яже мало преже помянутой мною онои суше* [2, с. 240] — *versus continentem illam quam supra tetoravitius* [7, с. 7],

...*и еже к Испании възвращение уготовляют* [2, с. 244] — *regressum in Hispaniam apparatusantes* [7, с. 13],

латинского предложения, логичнее предположить, что *възвести ... ся* — это аорист 3-го лица от глагола *възвьститися*, и фраза должна выглядеть так, как передаём её мы.

...корабленачальника своего Алвара в юзы ввергоша и своего шествия, еже к северу, яшяся [2, с. 245] — *Alvarum praefectum navis suae in vincula coniciunt, ac iter suum septentrionem versus capiunt* [7, с. 14].

Б. Появляется в тексте и конструкция вида *еже + инфинитив*, распространённая в переводной литературе как калька греческого субстантивированного инфинитива *τὸ + infinitivus* [11, с. 328], способная в рассматриваемом тексте заменять и собственно латинский инфинитив, и отглагольные существительные, и даже финитные формы глагола:

1) оборот *еже + инфинитив* заменяет латинский инфинитив: ...не неудобно и безместно, не яко тако же видяшяся, еже прямым путем от запада к востоку нижним мисферием корабли плавати [2, с. 242] — *Non quia grave existimabatur, recta ex occidente in orientem subter hemisphaerium vehi* [7, с. 2];

2) оборот *еже + инфинитив* заменяет отглагольное существительное: Наши же в *еже* возвращатися [2, с. 243] — *Nostri in reditu* [7, с. 8];

3) оборот *еже + инфинитив* заменяет финитную форму глагола: ...восмьи месьяць, по *еже* отлучитися им от прочих, в Испании приидошя, [2, с. 245] — *octavo mense postquam a reliquis discesserant, in Hispaniam venire* [7, с. 14];

4) латинские причинные конструкции с финитными глагольными формами и союзами *quod* 'так как', *propterea quod* 'из-за того что', *utpote qui* 'так как он' передаются конструкцией за *еже + (отрицание) + инфинитив*:

За *еже* ни едино еще известно слово, обоя длины мощи обрести [2, с. 242] — *Propterea quod hactenus nulla certa longitudinum ratio inveniri potuisset* [7, с. 5];

...за *еже* тамошних индов ни единым благоумием мощи привести [2, с. 247] — *quod indos illos nulla benevolentia ad se allicere potuerint* [7, с. 21];

Суть же велми убози, за *еже* у них ничто же ино точию араматом раждатися [2, с. 249] — *sunt egentes admodum utpote apud quos nihil praeterquam aromata proveniunt* [7, с. 25].

Конструкция за *еже + (отрицание) + инфинитив* пословно соответствует греческому *διὰ τὸ (μὴ) + infinitivus*, которое представляет собой простое сочетание предлога 'из-за' и субстантивированного инфинитива (с отрицанием);

5) регулярно при переводе противительных конструкций *partim — partim* 'частью — частью', *alter — alter* 'один — другой', а также конструкций с *autem* 'же' встречается соответствие греческому противительному сочетанию *μέν — δέ*, в том числе его разновидности *ὁ μὲν — ὁ δέ*:

ова убо отнюдь басни суть, ова же толико от истины чюже есть [2, с. 240] — *partim prorsus fabulosa sunt, partim a veritate tam aliena* [7, с. 2];

ово убо пучиною, ово же сушею [2, с. 242] — *partim mari, partim terra* [7, с. 6];

их же ову убо Бакалеариду тезоимените новоявлены рыбы, ову Цветуцу землю именуют [2, с. 242] — *quarum alteram Vaccalarum a novo genere piscium, alteram terram floridam vocant* [7, с. 6];

Маггелан убо обещался отплыти, Христофор же изнурении своими корабли уготовити [2, с. 242] — *obtulit Magellanus sese iturum, Christophorum autem impensis suis et suorum classem instructurum* [7, с. 6].

Итак, переводчик сознательно переводит определённые латинские синтаксические обороты соответствующими по смыслу грецизованными конструкциями, и их разнообразие и регулярность позволяют предположить, что переводчик, возможно, владел греческим языком.

2.2. Передача имён собственных

В тексте письма Максимилиана Трансильвана и соответственно его перевода содержится большое количество имён собственных. Для нас любопытным является способ их передачи в переводе. В большинстве своём (исключая благочестиво-христианские названия, данные географическим объектам колонизаторами, а также относительно известные в XVI столетии географические наименования: *Святый Иаков остров*, *Святый Богородица Марии губа*, *Аравииская пучина* и т. п.) встречающиеся в тексте имена собственные не имеют какой-либо устоявшейся традиции передачи на русском языке: это названия экзотических географических объектов, племён, народов; наконец, имена участников кругосветной экспедиции. Тем более примечательно, как именно эти имена передаются в переводе.

Большинство имён **переведено** так, как этого и следовало бы ожидать при переводе с латыни. Однако определённое количество имён выглядит аномально, и характер передачи этих имён необходимо рассмотреть отдельно.

Приведём небольшую таблицу соответствий для таких необычных имён (для каждого случая даём по одному примеру из текста, хотя в основном их значительно больше, потому что имена многократно повторяются).

Оригинал	Перевод
<i>polus antarcticus</i> [7, с. 7]	<i>Андарктик круг</i> [2, с. 242]
<i>Insulae Hesperidum</i> [7, с. 4]	<i>Есперицкие острова</i> [2, с. 242]
<i>Matthien</i> [7, с. 24]	<i>Матфиана остров</i> [2, с. 248]
<i>Porne</i> [7, с. 21]	<i>Порни остров</i> [2, с. 248]
<i>Seres</i> ³ [7, с. 5]	<i>Сири</i> [2, с. 241]
<i>Taprobane</i> [7, с. 4]	<i>Тапровани</i> [2, с. 241]
<i>Tarante</i> [7, с. 24]	<i>Таранти остров</i> [2, с. 248]

Передача **b** через **в** в случае *Taprobane*, **e** долгого в греческих окончаниях именительного падежа названий островов наподобие *Porne*, *Taprobane*, *Tarante* и в корне слова *Seres*³ через **и**, озвончение сочетания **nt** в **нд** говорят о том, что автор здесь ориентировался на их возможное среднегреческое произношение, т. е. на то, как они звучали бы, будучи переданы по-гречески. Это можно объяснить стремлением автора перевода сделать текст более привычным для современных ему русских чита-

³ Σῆρες, Серы — вероятно, китайцы [12, с. 1128].

телей, для которых гораздо более привычным явлением были произведения, переведённые с греческого языка.

2.3. Случаи пояснительного перевода. Передача лексики греческого происхождения

В интересующем нас переводе, как это уже вкратце отмечалось Н. А. Казаковой и Л. Г. Катущиной, иноязычные слова, если они сохраняются, дополняются пояснениями со словом *рекше* [2, с. 235].

Первый тип таких пояснений предельно прост: малоизвестное или неизвестное слово поясняется более употребительным синонимом. Таковы следующие примеры: *кастелланов, рекше испанских* [2, с. 241] — *Castellanorum* [7, с. 1]; *подобен ерманом, рекше немцом* [2, с. 241] — *Germanis nostris similem* [7, с. 4]; *И видешя две кано индееские, рекше струги* [2, с. 241] — *ubi duas Canoas Indorum conspiciunt* [7, с. 17].

Второй тип гораздо более интересен. Он представляет собой пояснение или пояснительный перевод грецизмов латинского оригинала: *яко от Есперитцких, рекше Вечерних остров* [2, с. 241] — *ut ab insulis Hesperidum* [7, с. 4]; *троглодити, рекше под землю в пещерах живуцаа* [2, с. 241] — *troglodytas* [7, с. 4]; *нижним мисферием, рекше полукругом* [2, с. 242] — *subter inferius hemisphaerium* [7, с. 6]; *оризонта, рекше края небеснаго* [2, с. 242] — *super horizontem* [6, с. 7]; *единоногих* [2, с. 240] — *Monoscelos* [7, с. 3]; *ногою осеняющихся* [2, с. 240] — *Scyrodas* [7, с. 3]; *единоядных возрастом* [2, с. 240] — *Spirateos* [7, с. 3]; *лакотных возрастом* [2, с. 240] — *Pigtaeos* [7, с. 3]; *рыбодцов эфиопов* [2, с. 241] — *Ichthyophagorum Aethiopum* [7, с. 4].

Данные примеры демонстрируют, насколько сильна в переводе тенденция к толкованию и творческой передаче грецизмов оригинала, и если пояснение слова *троглодити* может опираться на глоссу в более раннем отрезке латинского текста⁴, никак не отражённом в переводе, то для других греческих слов в латинском тексте никаких пояснений не содержится, и их описательная передача или калькирование средствами русского языка — заслуга исключительно переводчика.

Более того, нам встретилось место, которое, если продолжать считать, что перевод сделан с Кёльнского издания 1523 г., вообще заставляет предполагать искусственную вставку в текст переводчиком отсутствующего в оригинале грецизма с одновременным его пояснением: *моноксила, рекше единокревные судна* [2, с. 246] при латинском *est enim excissum cavatumque ex unico arboris trunco* 'ибо он высекается

⁴ Вот этот отрезок, выброшенный переводчиком (интересующая нас часть выделена полужирным шрифтом): *Nam ut reliqua omittam, tradidit Herodotus alioqui clarissimus auctor, cynatomum in avium nidis reperiri, in quos volucres illud ex longissimis regionibus, et praesertim Phoenix (cuius nidum nescio quis unquam viderit) detulissent. Plinius vero qui certius aliquid afferre posse sibi videbatur, quod iam ante aetatem suam, tum Alexandri Magni tum aliorum classibus multa illustrata fuissent, tradit cynatomum gigni in Aethiopia Troglodytis connubio commixta. Quum nunc compertum sit cynatomum longissime ab omni Aethiopia gigni, et maxime Troglodytarum, hoc est, in speluncis subterraneis habitantium* [7, с. 2–3] — 'Ибо, чтобы мне не распространяться о прочем, Геродот, в прочих отношениях славнейший автор, передавал, что корицу находят в птичьих гнездах, в которые птицы приносят её из отдалённых стран. Плиний же, который полагал, что может сообщить нечто более точное, поскольку ещё прежде его времени многое прояснилось благодаря походам Александра Великого и прочих, говорит, что корица рождается в Эфиопии, связанной брачными узами с троглодитами, хотя ныне выяснилось, что корица рождается весьма далеко от любой части Эфиопии, а особенно — от той, которая связана с троглодитами, то есть с обитателями подземных пещер'.

и выдалбливается из одного ствола дерева' [7, с. 17]. Впрочем, есть вероятность, что перед переводчиком лежал другой текст, содержащий слово *monoxyla*.

Последовательный толковательный перевод грецизмов латинского оригинала снова позволяет предположить, что переводчик был по крайней мере знаком с греческим языком.

2.4. Вопрос о личности переводчика

Со времени выхода статьи Н. А. Казаковой и Л. Г. Катушкиной [2, с. 237–238] сохраняется точка зрения, повторённая позже и в монографии Н. А. Казаковой «Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков» [1, с. 141–145], согласно которой переводчиком был Дмитрий Герасимов. Высказывалось и предположение о том, что переводчиком могло быть и другое лицо, к примеру Влас Игнатов [2, с. 236], однако это предположение самими авторами рассматривалось, очевидно, как менее вероятное.

Н. А. Казакова [1, с. 145] и Д. О. Цыпкин [6, с. 380] указывают на то, что рукопись, в составе которой находилось первоначально и послание «О Молукитцких островах», написана почти полностью рукой Михаила Медоварцева, а сам Михаил Медоварцев принадлежал к одной с Дмитрием Герасимовым культурной среде, что укрепляет, по их мнению, гипотезу о Герасимове как авторе перевода.

И этот, и другие аргументы, приводимые исследователями в пользу авторства Дмитрия Герасимова, лежат вне языковой сферы: указывается интерес Герасимова к географическим знаниям и их прикладному применению, общая его эрудированность [1, с. 143–144], участие в посольстве в Рим и, следовательно, возможность обзавестись в пути или уже в Риме экземпляром одного из многочисленных изданий письма Максимилиана Трансильвана [1, с. 144–145].

Содержит ли текст перевода письма Максимилиана Трансильвана особенности, позволяющие каким-либо образом охарактеризовать его автора?

Очевидно, да. По крайней мере автор был знаком с греческим языком, что подтверждается следующими фактами:

а) использованием синтаксических калек, которые имеют прямое соответствие в греческом языке и не имеют в переводимом латинском тексте;

б) передачей части экзотических для русского читателя имён, встречающихся в тексте, в соответствии не со средневековым латинским, как можно было бы ожидать, а со среднегреческим произношением;

в) последовательным переводом грецизмов латинского оригинала на русский язык.

Ни Дмитрий Герасимов, ни Влас Игнатов греческим языком, очевидно, не владели, о чём свидетельствует известное сообщение Герасимова о способе их совместной с Максимом Греком работы над исправлением псалтири:

А ныне, господине, переводит Псалтирь с греческаго толковую великому князю, а мы с Власом у него сидим, переменяя: он сказывает по-латыньски, а мы сказываем по-русски писарем [13, с. 190].

Как можно видеть, Максим Грек устно переводил греческий текст на доступную московским переводчикам латынь, а они переводили латинскую фразу на русский язык.

Ясно, что такой многоступенчатый способ работы не понадобился бы, если бы Герасимов или Игнатов были знакомы с греческим языком.

Таким образом, предположение об авторстве Дмитрия Герасимова или Власа Игнатова оказывается под сомнением благодаря обнаруженным языковым фактам. Можно, впрочем, предположить, что у переводчика был советчик, владевший греческим и способный по просьбе переводчика истолковать ему непонятные греческие вкрапления в латинском тексте, но это не объясняет ни обильного использования при переводе грецизированных синтаксических конструкций, ни передачи части географических названий в нарочито грецизированной форме. Кроме того, можно предположить, что автор русского перевода, если он сам владел греческим языком, мог пользоваться не только оригинальным латинским текстом, но и текстом греческого перевода латинского оригинала, но это кажется маловероятным, поскольку сложно объяснить, зачем переводчик, передавая по-русски светский текст⁵, проявил излишнее старание, сверяя его сразу с двумя вариантами исходного произведения. Впрочем, и эту возможность необходимо учитывать при дальнейшем исследовании русского перевода письма Максимилиана Трансильвана, но сначала требуется установить, существовали ли вообще современные русскому варианту текста греческие переводы интересующего нас произведения.

В любом случае путь к установлению принадлежности русского перевода письма Максимилиана Трансильвана той или иной исторической личности или же к признанию невозможности такого установления лежит через дальнейшее исследование языка этого перевода и последовательное сравнение с языком современных ему переводов с латыни, тем более что такого рода работы в отношении других переводных текстов этого времени уже существуют. К примеру, В. В. Калугиным проведён анализ черт перевода другого малоизвестного переводного памятника XVI столетия, «Книги святого Августина», и найдены убедительные доказательства лингвистического, и культурно-исторического характера, указывающие на Дмитрия Герасимова как на возможного переводчика этого произведения [14, с. 135–137]. И. В. Вернер установила важность принципа омонимии форм для целого ряда переводных произведений: Геннадиевской Библии [15, с. 133–134], русского перевода «Доната» Дмитрия Герасимова [15, с. 130], а также для сочинений Максима Грека [15, с. 139–140; 16, с. 202–205], изучавшего русский язык, очевидно, именно по герасимовскому переводу «Доната» [15, с. 139–140; 16, с. 201–202].

Всё это подтверждает возможность нахождения и в переводе письма Максимилиана Трансильвана лингвистических «опорных точек», позволяющих сравнить это произведение с другими современными ему переводами с латыни и определить его место в кругу этих произведений.

3. ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА

К сожалению, изданный Н. А. Казаковой и Л. Г. Катушкиной текст, будучи чрезвычайно ценным как первая попытка введения в научный оборот малоизвестного

⁵ Н. А. Мещерский отмечает, что светские тексты в славянорусской письменности всегда отличались значительной свободой техники перевода [11, с. 321].

памятника переводной письменности, не вполне удовлетворяет целям дальнейшего лингвистического исследования, поскольку отражает только один список и отличается рядом неоднозначных решений в области пунктуационного оформления текста произведения. Вопрос о латинском издании, с которого делался перевод, также остаётся открытым, поскольку атрибуция по заголовку не может быть признана надёжной: к примеру, заголовок базельского издания 1536 г., воспроизведение которого можно найти в [17, с. 277–298], отличается от заголовка кёльнского издания 1523 г. всего одним словом, а именно соединительным союзом *atque* вместо *itemque*; оба союза на русский язык переводятся как *и*, поэтому при переводе с обоих изданий заголовков будет выглядеть одинаково.

Таким образом, перед будущим исследователем русского перевода письма Максимилиана Трансильвана о Молуккских островах стоят следующие задачи:

- 1) поиск новых списков перевода;
- 2) детальное изучение лексики, морфологии и синтаксиса перевода;
- 3) не ограничивающееся сличением заголовков сопоставление перевода с латинскими (и греческими, если таковые будут обнаружены) изданиями письма Максимилиана Трансильвана с целью установления наиболее вероятного источника перевода;
- 4) составления словника латинско-русских лексических соответствий оригинала и перевода;
- 5) составление списка соответствий синтаксических конструкций оригинала и перевода;
- 6) подробное описание техники перевода письма Максимилиана Трансильвана;
- 7) установление «опорных точек», наиболее ярких и регулярных черт перевода;
- 8) сравнение техники перевода письма Максимилиана Трансильвана по установленным «опорным точкам» с техникой перевода других письменных памятников первой половины XVI в., и в особенности с техникой перевода «Повести о Лоретской Богоматери», которая, как упоминалось выше [6, с. 383], прежде содержалась в одной рукописи с письмом Максимилиана Трансильвана.

Перспективным итогом такого исследования можно будет считать подробное критическое издание русского перевода письма Максимилиана Трансильвана, а также выработку существенных дополнений к уже имеющимся лингвистическим критериям группировки созданных в XVI столетии русских переводов с латыни.

Литература

1. Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Из истории международных культурных связей России / под ред. Д. С. Лихачева. Л.: Наука, 1980.
2. Казакова Н. А., Катушкина Л. Г. Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана (Перевод письма Максимилиана Трансильвана) // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1968. Т. 23. С. 227–252.
3. Савваитов П. И. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. С предисловием и примечаниями Павла Савваитова. СПб.: Археографическая комис., 1872.
4. Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1903.
5. История русской литературы. Т. II, ч. 1. Литература 1220-х — 1580-х гг. / ред. тома А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий. М.; Л., 1945.

6. Цыпкин Д. О. Сказание «О Молукитцких островах» и Повесть о Лоретской Богоматери (Из сборника БАН, Архангельское собр., Д. 193, XVI в.) // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1990. Т. 44. С. 378–386.

7. *Transsylvaniae Maximilianus*. De Moluccis insulis, itemque aliis pluribus mirandis, quae novissima Castellatorum navigatio Serenissimi Imperatoris Caroli V auspicio suscepta, nuper inventit: Maximiliani Transylvani ad Reverendissimum Cardinalem Saltzburgensem epistola lectu perquam iucunda. Coloniae, 1523.

8. «Rationale divinorum officiorum» Wilhelmi Durandi в русском переводе конца XV в. / подгот. изд. А. А. Романовой, В. А. Ромодановской; отв. ред. чл.-кор. РАН И. П. Медведев. М.; СПб.: Индрик, 2012.

9. Ромодановская В. А. К характеристике интерлинейной части Чудовской латинской Псалтири // Труды Отдела древнерусской литературы / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. Л. В. Соколова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Т. 55. С. 379–386.

10. *Tomelleri V.S.* Die правила граматичные. Der erste syntaktische Traktat in Russland. München: Verlag Otto Sagne, 1999. (Specimina Philologiae Slavicae, Bd. 123.)

11. Мещерский Н. А. О синтаксисе древних славяно-русских переводных произведений // Мещерский Н. А. Избранные статьи / СПбГУ; отв. ред. и сост. Е. Н. Мещерская. СПб.: Изд. отдел Языкового центра филол. ф-та СПбГУ, 1995. С. 317–337.

12. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. СПб.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1899.

13. Прибавления к изданию творений святых отцов. Ч. 18. М., 1859.

14. Калугин В. В. «Книга святого Августина» в русской письменности XVI–XIX веков // Лингвистическое источниковедение и история русского языка — 2001. Сб. статей. М., 2002. С. 108–163.

15. Вернер И. В. Омонимия падежей как дидактический и эвристический принцип в церковнославянской грамматике XV–XVIII вв. // Лингвистическая эпистемиология: история и современность. XV Международный съезд славистов (Минск, Республика Беларусь, 20–27 августа 2013 г.) / отв. ред. Н. Н. Запольская. Минск: ПринтЛайн, 2013. С. 129–152.

16. Вернер И. В. «Нестандартная грамматика» библейских переводов Максима Грека: влияние «Доната» Дмитрия Герасимова на церковнославянский язык IV Маккавейской книги и книги Есфирь // Священное Писание как фактор языкового и литературного развития / отв. ред. Е. Н. Мещерская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 197–222.

17. *Analecta recentiora ad historiam renascentium in Hungaria litterarum spectantia*. Budapestini: Magyar Tudományok Akadémia, 1906. С. 277–298.

Статья поступила в редакцию 14 августа 2014 г.

Контактная информация

Соколов Евгений Геннадьевич — бакалавр филологии, лаборант; pan_liwerij@mail.ru; homo_ignobilis@mail.ru

Sokolov Evgenii G. — bachelor of philology, assistant; pan_liwerij@mail.ru; homo_ignobilis@mail.ru